

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.18

Правильная ссылка на статью:

Мареева С. В. Неравенство жизненных шансов россиян в сфере баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 324—344. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.18>.

For citation:

Mareeva S. V. (2019) Inequality of Life Chances in Work-Life Balance of Russians. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 324—344. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.18>.

С. В. Мареева

НЕРАВЕНСТВО ЖИЗНЕННЫХ ШАНСОВ РОССИЯН В СФЕРЕ БАЛАНСА ЖИЗНИ И ТРУДА

НЕРАВЕНСТВО ЖИЗНЕННЫХ ШАНСОВ
РОССИЯН В СФЕРЕ БАЛАНСА ЖИЗНИ
И ТРУДА

INEQUALITY OF LIFE CHANCES IN
WORK-LIFE BALANCE OF RUSSIANS

МАРЕЕВА Светлана Владимировна — кандидат социологических наук, заведующий центром стратификационных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: smareeva@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0002-2057-8518>

Svetlana V. MAREEVA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.); Center Director, Centre for Stratification Studies; Leading Researcher
E-MAIL: smareeva@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0002-2057-8518>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. Возможность достижения баланса жизни и труда может рассматриваться как один из типов жизненных шансов, относящихся к качеству жизни. В статье на эмпирической базе данных

Abstract. The possibility of achieving a work-life balance can be considered as one of the types of life chances related to quality of life. The article is based on the empirical data of all-Russian repre-

общероссийского репрезентативного мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН оценены основные неравенства в возможностях достижения жизненного баланса в целом и в отдельных сферах, составляющих его; особенное внимание уделено производственной деятельности. Показано, что неравенства в сфере жизненного баланса не сглаживают другие монетарные и немонетарные неравенства в жизненных шансах (в частности — относящиеся к экономической сфере жизни), а, наоборот, углубляют их. Сделан вывод, что в российском обществе остается доминирующей вертикальная стратификация, а измерения немонетарного неравенства, связанные с образом и стилем жизни, накладываются на нее, а не становятся основаниями горизонтальной стратификации. Достижение баланса жизни и труда в российском обществе выступает признаком общего благополучного положения в вертикальных иерархиях по другим экономическим и неэкономическим возможностям. Рассмотрен также общий контекст формирования понимания баланса жизни и труда — в частности, показано, что общественные представления о жизненном успехе остаются достаточно традиционными и связаны в первую очередь с реализацией вполне достижимых и дополняющих друг друга, в оценках самого населения, целей в социальной и производственной сфере и стремлением к модели жизни «не хуже, чем у других».

Ключевые слова: баланс жизни и труда, немонетарное неравенство, жизненные шансы, жизненный успех, позитивная привилегированность, негативная привилегированность, общественное сознание

representative monitoring carried out by the Institute of Sociology FCTAS RAS and examines major inequalities in possibilities to achieve work-life balance in general and in particular spheres. A special attention is paid to non-production activity. The author argues that the work-life balance inequalities do not smooth out other monetary and non-monetary inequalities in life chances (especially those related to the economic sphere); on the contrary, they exacerbate them. The author concludes that Russia is dominated by the vertical stratification; any changes in non-monetary inequality dealing with lifestyles superpose on it and do not become a basis for horizontal stratification. Achieving a work-life balance in Russia is a sign of general social well-being in vertical hierarchies in other economic and non-economic possibilities. The article also describes the general context of the work-life balance concept formation: in particular, it shows that social perceptions of life success remain rather traditional and are mainly connected with the implementation of achievable and complementary, as the public sees it, goals in social and professional spheres.

Keywords: work-life balance, non-monetary inequality, life chances, life success, positive privilege, negative privilege, social consciousness

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-78-20125).

Acknowledgments. The study is funded by Russian Science Foundation (project no. 17-78-20125).

Переход обществ в новую стадию развития — постмодерна/постиндустриализма — характеризуется качественными изменениями во многих аспектах как на макро-, так и на микроуровне. Один из них — трансформация оснований социальной структуры общества, то есть переход от иерархической классовой стратификации (ключевой для которой является положение в производственных отношениях) к основанной на стилях жизни — или, как минимум, дополняемой ими [Бек, (1986) 2000; Bogenhold, 2001]. Это процесс сопровождается и сдвигами в основаниях самоидентификации — производственный статус как основной ее критерий уступает место самоидентификации через непроизводственные характеристики (стиль жизни, потребление как форма самореализации и пр.). В терминах широко известной концепции Р. Инглхарта, происходит переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения [Инглхарт, Вельцель, 2011]. В этих условиях все больше внимания начинают привлекать стили жизни как основание для стратификации [Korotaev et al., 2016], а также непроизводственная сфера жизни в целом и тесно связанная с ней проблематика баланса жизни и труда.

Этому фокусу внимания способствуют и другие изменяющиеся реалии социально-экономической жизни населения, требующие разработки новых теоретико-методологических рамок для своего анализа. Среди этих реалий — интенсификация процессов в рабочей сфере, размытие границ между работой и личной жизнью за счет гибкости форм занятости, трансформация гендерных ролей, растущая необходимость совмещения семьи и занятости (особенно для женщин, все в большей степени включенных в рынок труда), изменение запросов в отношении свободного времени, высокая индивидуализация жизненных путей, расширение понимания компонент качества жизни и пр. Все это ставит новые вопросы о возможностях и противоречиях совмещения занятости, с одной стороны, и других компонент непроизводственной сферы жизни (в узком понимании — только семейной жизни, в широком — в том числе и поддержания здоровья и психологического благополучия, домашнего труда, досуга и отдыха, духовного развития и пр.) — с другой [Рождественская, 2011; Штроо, Козьяк, 2015], которые и обозначаются широкой концептуальной рамкой «баланс жизни и труда».

О растущей актуальности проблематики баланса жизни и труда говорит и тот факт, что относящиеся к нему индикаторы в международной практике все чаще можно встретить в составе индексов оценки благосостояния населения (так, оценки этого баланса включают в себя Индекс лучшей жизни ОЭСР, Индекс всеобщего национального благополучия Фонда новой экономики, а также индексы, используемые в рамках национальных проектов измерения и мониторинга благополучия и качества жизни населения — например, в Италии [Michaelson et al., 2009]¹. Это свидетельствует о том, что *возможности достижения баланса жизни и труда при-*

¹ См. также: ISTAT, CNEL. (2013) First Report on Equitable and Sustainable Well-being (Benessere Equo e Sostenibile (BES)); OECD. (2017) How's Life? 2017: Measuring Well-being. OECD Publishing.

знаются значимыми для интегрального качества жизни в современных условиях, что ставит проблему их неравенства для населения.

При этом единого, универсального определения баланса жизни и труда не существует, и его концептуализация может различаться в зависимости от предметного поля и целей исследования. Так, фокус может смещаться от институциональных условий, способствующих или препятствующих достижению такого баланса (включающих в себя вопросы социальной политики, регулирования занятости, социальных услуг по уходу за членами домохозяйства, социальных пособий и пр.), до социальных ожиданий, одобряемых социальных ролей и распределения ответственности в домохозяйстве или связи искомого баланса с общим субъективным благополучием. В российской социологической литературе баланс жизни и труда обычно рассматривается через призму стратегий совмещения женщинами трудовых и семейных обязанностей [Чернова, 2012; Савинская 2013], происходящих изменений в последовательности и тайминге этапов жизненного пути [Рождественская, 2011], а также через изучение конфликта между работой и личной жизнью и их влияния на общую удовлетворенность жизнью [Штроо, Козьяк, 2015; Моспан и др., 2016].

Неудивительно, что и операционализация баланса между работой и жизнью осуществляется по-разному, в зависимости от выбранной теоретической рамки и целей исследования. Показателями могут выступать объективные временные затраты на разные сферы (этого подхода придерживается, в частности, ОЭСР при построении Индекса лучшей жизни², объективные показатели качества жизни в этих сферах, субъективные показатели баланса временных затрат, вовлеченности и степени удовлетворенности в разных сферах [Greenhaus et al., 2003], функционирование в разных сферах с минимальным ролевым конфликтом [Clark, 2000] или же прямая оценка наличия или отсутствия искомого баланса в собственной жизни. Отметим, что поскольку акцент все чаще переносится на индивидуальный выбор оптимального жизненного баланса и отсутствие его универсального объективного определения, субъективные оценки привлекают все больший интерес [Guest, 2002].

В рамках данной статьи мы обратимся к проблематике баланса жизни и труда через призму теоретической рамки жизненных шансов, рассмотрев возможности населения по достижению искомого баланса (и отдельно — возможности в непроизводственной деятельности) как одно из их измерений. Современная трактовка *жизненных шансов* в широком понимании предполагает рассмотрение их как *возможностей для реализации желаемых целей и формирования желаемой модели жизни*. Методологически этот подход встраивается в неовебериянскую традицию: он основан на идеях М. Вебера, рассматривавшего жизненные шансы как основание для классового деления и различавшего позитивную и негативную привилегированность (положение преимущества по отношению к общественной норме и положение, характеризующееся рисками/депривациями по отношению к этой норме) [Weber, (1924) 1978]. Дальнейшая проработка этих идей рядом авторов позволяет обрисовать их наборы в разных сферах (экономических условий

² OECD. (2017) How's Life? 2017: Measuring Well-being. OECD Publishing.

жизни, занятости, потребления и пр.) и предложить подходы к их операционализации, и к этому сюжету мы еще обратимся далее³. Пока же отметим, что достижение баланса жизни и труда также может рассматриваться как одно из измерений жизненных шансов в сфере рамочных, неэкономических условий жизни — наравне с такими шансами, как общая безопасность, социально-психологическое самочувствие, поддержание здоровья и пр. В этом смысле достижение баланса жизни и работы может быть одним из востребованных элементов жизненной модели, а немонетарное неравенство в возможностях его достижения — выступать стратифицирующим признаком для социальной структуры общества.

Однако применительно к современному российскому обществу важным вопросом становится не только оценка ситуации с балансом жизни и труда у разных социальных групп и глубина соответствующего немонетарного неравенства россиян в этом отношении, но и степень актуализации этой проблемы для населения, поскольку этап развития современного российского общества можно скорее характеризовать как индустриальный, нежели как постиндустриальный. С этой точки зрения, интересным представляется анализ отражения проблемы баланса жизни и работы в общественном сознании. Важно отметить, что содержательное понимание того, что есть искомый баланс и какие компоненты включает в себя «жизнь», которая балансируется с «трудом», может заметно дифференцироваться в разных социальных группах.

Для операционализации баланса жизни и труда мы обратимся к субъективным показателям — прямым оценкам, которые россияне дают возможностям достижения баланса в своей жизни и возможностям (желаемым и доступным) в разных сферах жизни, особенно непроизводственной.

Таким образом, в данной статье, опираясь на субъективные оценки возможностей достижения баланса жизни и труда, мы попробуем обрисовать общие контуры немонетарного неравенства россиян в этих возможностях, ответить на вопрос о том, сглаживают ли неравенства в сфере жизненного баланса другие монетарные и немонетарные неравенства (неравенства доходов, неравенства в жизненных шансах, относящихся к экономической сфере жизни и пр.) или, наоборот, углубляют их, а также охарактеризовать некоторые запросы и шансы россиян в непроизводственной сфере.

Эмпирической базой для анализа выступили данные двух волн общероссийского репрезентативного исследования Института социологии ФНИСЦ РАН в рамках Мониторингового проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», репрезентирующие население страны по региону проживания, а в рамках каждого региона — по полу, возрасту и типу поселения (весна 2017 г., весна 2018 г., n=4000). Мы не включали в анализ неработающих пенсионеров, и все данные в статье далее приводятся без учета этой группы населения, поскольку понимание жизненного баланса на данном этапе жизненного цикла — отдельный исследовательский вопрос.

³ Более подробный обзор жизненных шансов как основания социальной стратификации можно найти в работах научного коллектива под рук. Н. Е. Тихоновой (включающего и автора данной статьи), активно работающего в этом направлении в последние годы [см., например, Anikin et al., 2017; Тихонова, 2018; Аникин, 2018; Мареева, 2018].

Данные исследования 2018 г. позволили получить прямую оценку россиян имеющих у них возможностей достижения жизненного баланса⁴. Только 41 % россиян считают, что им удастся обеспечивать желаемый баланс работы, семейной жизни и личных интересов, что само по себе демонстрирует немонетарное неравенство в отношении этого типа жизненных шансов. При этом россияне расходятся в оценке причин невозможности достижения такого баланса — для 21 % это нехватка экономического ресурса, для 19 % — временного, для 15 % — иные причины. Оставшиеся 4 % утверждают, что у них нет такого желания. Хотя такая низкая доля говорит о том, что эта проблема в целом актуализирована для населения, понимание жизненного баланса может при этом быть очень разным. Тот факт, что причиной невозможности достижения баланса в собственной жизни в глазах россиян так же часто выступает отсутствие денег, как и отсутствие времени, говорит о том, что трактовка жизненного баланса как возможности соединения и успешной реализации альтернативных жизненных целей в условиях ограниченного временного ресурса и потенциального ролевого конфликта массово не распространена, и баланс работы, семьи и личных интересов может также восприниматься просто как некоторый уровень «нормальной жизни», которого можно было бы добиться при наличии более высокого дохода. К другим фактам, подтверждающим такое предположение, мы вернемся ниже. Пока же отметим, что хотя концептуализация баланса жизни и труда, определение его содержательного наполнения в разных группах населения не является предметом рассмотрения данной статьи, поскольку это не позволяют сделать имеющиеся данные, для поставленной цели важен сам факт оценки возможности или невозможности достижения искомого баланса, то есть субъективной оценки наличия или отсутствия соответствующего жизненного шанса.

Обратимся к основным срезам неравенства в возможностях достижения жизненного баланса, чтобы определить, для каких социальных групп они сегодня доступны в большей степени (табл. 1). Если говорить о поселенческом неравенстве, то наиболее успешными в плане достижения баланса, по их собственным самооценкам, оказываются жители ПГТ, среди которых половине это удастся. Наименее успешны в этом отношении жители мегаполисов — среди них аналогичная доля составляет лишь чуть более трети (37 %). Об особой ситуации, складывающейся в мегаполисах, говорит распределение ответов о причинах, которые не позволяют россиянам обеспечивать желаемый баланс работы, семейной жизни и личных интересов. Для жителей крупнейших городов лидирующей причиной является нехватка времени (26 %), что заметно отличает их от проживающих в других типах поселений, особенно ПГТ и селах (где аналогичную причину указывают только 16 %). Это может означать разное понимание баланса жизни и работы для жителей разных типов поселений, в том числе в силу того, что именно в мегаполисах начинают формироваться альтернативные модели жизненного успеха, включающие в себя его расширенную трактовку, что может приводить к более высоким

⁴ Вопрос, использовавшийся для этой цели, звучал следующим образом: «Удастся ли Вам в Вашей жизни обеспечивать желаемый баланс работы, семейной жизни и личных интересов?» с вариантами ответов «да, это удастся», «нет, это не удастся из-за недостатка денег», «нет, это не удастся из-за недостатка времени», «нет, это не удастся по другой причине».

запросам в этом отношении. Кроме того, данные предыдущих исследований свидетельствуют, что более широкое в целом пространство доступных жизненных шансов, характерное для крупнейших городов, сопряжено и с более высокими рисками определенных типов, к которым относится, в частности, нехватка времени, влияющая на невозможность обеспечить желаемый баланс жизни и труда [Мареева, 2018].

Что касается других социально-демографических срезов, то мужчины чаще говорят, что им удастся достигать искомый баланс (44 % при 38 % среди женщин); среди возрастных групп в особо выделяется молодежь, которая оказывается в наименее благополучном положении с точки зрения достижения искомого баланса — это удастся только 36 %, что, видимо, тоже связано с более высокими запросами: среднее количество целей, которые представители этой группы хотели бы достичь в рамках желаемой жизненной модели, оказывается выше, чем в других возрастных группах.

Достаточно неоднородной оказалась ситуация с социально-профессиональным срезом неравенства в возможностях достижения баланса в жизни. Судя по самооценкам, наиболее благополучны в этом отношении руководители разных уровней и специалисты с высшим образованием (47 %—55 % из стремящихся к этому удается достигать жизненного баланса), а наименее успешны рядовые работники торговли и сферы услуг (30 %), а также рабочие низкой квалификации (26 %). В ряде исследований уже отмечалось, что на рынке труда структурные позиции рядовых работников торговли и сферы услуг схожи с позициями рабочих низкой и средней квалификации, они характеризуются высокой нестабильностью и отсутствием социальной защищенности [Тихонова, 2017; Мареева, 2015]. Оказывается, их схожесть проявляется не только в экономических, но и в неэкономических особенностях их положения, и низкий уровень жизненных шансов в производственной сфере не компенсируется для них высокими жизненными шансами в возможностях достижения жизненного баланса, а наоборот.

Важно, что *наиболее заметно неравенство в возможностях достижения жизненного баланса проявляется между доходными группами*. Стремление к балансу проявляется у представителей разных доходных групп в равной степени, но возможности его достижения на практике значительно различаются — если среди низкодоходного населения (тех россиян, чьи ежемесячные среднедушевые доходы в домохозяйстве не достигают 0,75 медианы по стране) это не удается почти двум третям, то по мере роста доходов эта доля снижается, составляя в высокодоходной группе уже менее половины. При этом чем ниже доход, тем чаще в качестве барьера для достижения баланса жизни и труда россияне называют нехватку денег (в низкодоходной группе — 30 %, в то время как в высокодоходной — 12 %). Таким образом, *жизненные шансы в сфере достижения жизненного баланса не сглаживают монетарные неравенства — скорее, эти типы неравенств усугубляют друг друга*.

Таким образом, возможность достижения баланса жизни и труда сегодня доступна, судя по самооценкам, далеко не всем россиянам, а прежде всего более благополучным группам — с точки зрения как текущих доходов, так и положения в производственных отношениях. Однако судя по тому, что в качестве барьеров, мешающих достичь искомого баланса, россияне называют и нехватку времени,

и нехватку денег, само его понимание в разных группах может сильно различаться. Поэтому далее мы обратимся к характеристике общего контекста, в рамках которого формируются запрос на баланс жизни и труда у россиян и его самооценка.

Таблица 1. Различные срезы неравенства возможностей достижения баланса работы, семейной жизни и личных интересов, 2018 г., %

Удается ли обеспечивать желаемый баланс работы, семейной жизни и личных интересов	Нет такого желания	Не удается	Удается
<i>Тип поселения</i>			
Мегаполисы	2	61	37
Областные, краевые центры	3	57	40
Районные центры	4	54	42
ПГТ	2	48	50
Села	7	53	40
<i>Возраст</i>			
18—30	6	58	36
31—40	2	55	43
41—50	3	55	42
51—60	5	51	44
<i>Пол</i>			
Мужской	4	52	44
Женский	4	58	38
<i>Доходные группы</i>			
Низкодоходные (доходы менее 0,75 медианы по стране)	4	64	32
Медианная группа (0,75—1,25 медианы)	4	56	40
Среднедоходные (1,25—2 медианы)	4	50	46
Высокодоходные (более 2 медиан)	4	46	50

Так, к анализу баланса жизни и труда можно подойти и косвенно — через самооценки россиянами их положения в ключевых для этого баланса сферах (семья, работа, свободное время). Однако прежде чем перейти непосредственно к этим оценкам, посмотрим, чем характеризуется в общественном сознании жизненный успех, поскольку такие представления помогают понять желаемые модели жизни и востребованность различных элементов для общего жизненного баланса (табл. 2).

Данные показывают, что жизненный успех в первую очередь связывается в общественном сознании с семьей — это характерно для двух третей населения. Половина россиян включает в понятие жизненного успеха интересную работу, около 40% — элементы, связанные с реализацией в социуме: надежный социальный круг и уважение окружающих. Достаточно традиционны для российской социокультурной модели и такие элементы, как честно прожитая жизнь и возможность жить не хуже других, быть самому себе хозяином, которые тоже рассматриваются как элементы успешной жизненной модели. К ним примыкает и один из элементов,

связанный уже с ценностями обществ постмодерна — яркие жизненные впечатления. Однако в целом полученная картина свидетельствует о преобладании в российском обществе понимания успеха, связанного со стремлением к модели жизни «как у всех», с обязательным наличием ключевых для этого элементов — семьей и работой, но не к выдающимся достижениям — высокому благосостоянию, карьере, власти и пр.

Таблица 2. **Элементы жизненного успеха в представлениях россиян, 2017 г., % (допускалось до пяти ответов)**

Элементы жизненного успеха	%
Наличие семьи и детей	66
Интересная работа	51
Наличие надежных друзей	41
Уважение окружающих	36
Яркие жизненные впечатления	28
Честно прожитая жизнь	26
Возможность жить не хуже других	26
Возможность быть самому себе хозяином	26
Богатство	17
Высокая должность	15
Наличие престижной собственности (иномарка, коттедж и т. п.)	12
Быть первым во всем, что кажется важным	11
Достижение известности, популярности	7
Победа над своими врагами	5
Обладание властью	5

Таким образом, запрос на баланс жизни и работы формируется в условиях ориентации массовых слоев россиян на цели, более совместимые между собой и более доступные для реализации, нежели связанные с достижением выделяющихся на общем фоне результатов в той или иной сфере. Поэтому и само понимание баланса в общественном сознании на данном этапе может отражать именно возможность вести «нормальную» жизнь, характеризующуюся присутствием в ней всех важных компонент, дополняющих друг друга, а не совмещать альтернативные цели, сильно конкурирующие между собой и требующие для своей реализации значимые и ограниченные ресурсы.

Отметим, что наличие семьи и детей, интересную работу или достижение высокой должности одновременно обозначили как критерии жизненного успеха 41% россиян. При этом 43% включили в понимание жизненного успеха только один из этих аспектов, а 16% — ни один из них. Также показательно, что интересная работа чаще признается критерием успеха, чем высокая должность, и это также облегчает достижение его на практике — хотя и эта возможность доступна далеко не всем.

Если же перейти непосредственно к целям россиян в разных сферах и оценкам возможностей их достижения (табл. 3), то цели, связанные с семьей и микромиром, традиционно остаются не только наиболее актуализированными, но и наиболее достижимыми для россиян. Так, создание счастливой семьи и воспитание детей, а также наличие надежных друзей не входят в жизненные планы только 2 % россиян, а уже добились этого 61 %, 48 % и 74 % соответственно; еще 28 %, 45 % и 18 % пока не добились этих целей, но считают, что им это по силам. Таким образом, *сфера семейных и дружеских отношений не характеризуется высоким неравенством; эти цели не только важны для большинства россиян, но и вполне достижимы.*

Более высоким неравенством характеризуются другие сферы, связанные с общим жизненным балансом. В отношении работы неоднородность проявляется как в самих целях, которые ставят перед собой россияне, так и в возможностях их достижения. Так, наиболее распространенные в массовых слоях стремления в отношении работы — это хорошо зарабатывать, иметь интересную работу, быть профессионалом и заниматься любимым делом: все эти цели хотели бы включить в свои жизненные планы более 90 % россиян. Менее выражено стремление иметь престижную работу, хотя и его называют более 80 %. Наконец, на общем фоне заметно отстают такие цели, как карьера и собственный бизнес — такие пункты вообще не включали в свои планы около трети и половины россиян, соответственно (что согласуется с пониманием жизненного успеха, о котором говорилось выше).

Что же касается достижимости поставленных целей, то среди наиболее распространенных из них самым сложным для россиян представляется достижение хорошего заработка и престижной работы, в то время как наиболее доступна возможность быть профессионалом в своей области (считают, что уже добились этого или смогут добиться 86 %; насколько этот профессионализм действительно такого уровня — отдельный вопрос, но в данном случае для нас важны именно субъективные оценки). Высока и доля тех, кто оптимистично оценивает возможности иметь интересную работу и заниматься любимым делом — они составляют более 70 % населения.

Таким образом, *в целом для большинства населения, по их самооценкам, вполне доступны возможности добиться желаемого в двух сферах, в наибольшей степени определяющих в общественных представлениях жизненный успех — социальной и производственной (хотя в случае второй — не во всех ее желаемых аспектах).*

Однако если говорить о балансе жизни и труда, то важными представляются и оценки других сфер жизни. В отношении свободного времени возможности россиян более неравномерны и ограничены — возможность иметь много свободного времени и проводить его в свое удовольствие включали в свои жизненные планы 87 % населения, но уже имеют такую возможность только 15 % населения, а треть считает, что им вообще вряд ли удастся добиться этого. Еще выше неравенство в отношении возможности побывать в разных странах мира — подавляющее большинство россиян (83 %) хотели бы этого, но менее половины считают, что это в принципе возможно, а на практике реализовать эту цель смог только каждый десятый. Ниже мы покажем, что в целом для россиян доступен простой досуг, однако более качественные возможности проведения своего времени выступают дополнительным измерением немонетарного неравенства.

Четвертая сфера, которую можно выделить для анализа составляющих жизненного баланса, — это *личные цели и интересы*. Среди них велика как значимость, так и достижимость такой цели, также выступающей важной компонентой жизненного успеха, как честно прожитая жизнь (в жизненные планы это не включали только 3%, уже добились — 63% и планируют — 30%). Сформирован у россиян и запрос и на то, чтобы жить на хуже других (не включали такой пункт в свои жизненные планы только 4%), однако возможность реализации такой цели доступна не всем: по их оценкам, уже добились этого 40%, и 42% надеются, что это окажется им по силам в будущем. Богатство представляется желаемой, но малореализуемой целью. Что же касается таких целей, как наличие значимого ресурса влияния, попадание в определенный круг общения, доступ к власти и известности — то половина и более населения не включает их в свои модели жизни, что выводит эти измерения из зоны формирования потенциально острых немонетарных неравенств.

Наибольшее беспокойство с точки зрения формирования неравенств по этим аспектам могут вызывать те из них, в которых россияне хотели бы добиться успехов, но не видят для себя такие возможности. В производственной сфере это касается возможностей получить престижную работу и сделать карьеру, в отношении свободного времени — возможностей побывать в разных странах и иметь много свободного времени, в сфере личных целей — возможности стать богатым. Все эти цели хотели бы включить в свои жизненные планы более двух третей россиян, но при этом достаточно значимая часть из желающих их реализации (от 29% до 61%) считают, что вряд ли смогут этого добиться.

Таблица 3. **Возможности достижения успехов в разных сферах в оценках россиян, 2018 г., % (упорядочено по доле включающих их в жизненные планы)**

Сфера достижения успехов	Уже добился этого	Пока не добились, но считают, что это мне по силам	Хотелось бы, но вряд ли смогу добиться этого	В жизненных планах этого не было
Семья и микромир				
Иметь надежных друзей	74	18	6	2
Создать счастливую семью	61	28	9	2
Воспитать хороших детей	48	45	5	2
Работа				
Хорошо зарабатывать	14	52	32	2
Иметь интересную работу	40	35	21	4
Быть профессионалом в своем деле	40	46	10	4
Заниматься любимым делом	36	35	23	6
Иметь престижную работу	23	33	31	13
Сделать карьеру	13	35	20	32
Иметь собственный бизнес	4	21	27	48
Свободное время				
Иметь много свободного времени и проводить его в свое удовольствие	15	37	35	13
Побывать в разных странах мира	10	37	36	17

Сфера достижения успехов	Уже добился этого	Пока не добились, но считают, что это мне по силам	Хотелось бы, но вряд ли смогут добиться этого	В жизненных планах этого не было
Личные интересы и цели				
Честно прожить свою жизнь	63	30	4	3
Жить не хуже других	40	42	14	4
Стать богатым человеком	2	25	43	30
Влиять на то, что происходит в обществе или том месте, где Вы живете	7	22	22	49
Попасть в определенный круг людей	10	21	16	53
Иметь доступ к власти	5	12	14	69
Стать знаменитым	1	10	16	73

Возвращаясь к вопросу о балансе жизни и труда с точки зрения субъективных оценок ситуации в соответствующих сферах, можно говорить, что по тем аспектам, которые воспринимаются россиянами как основные показатели жизненного успеха — хорошая семья и интересная работа — неравенство присутствует, но не является высоким, поскольку эти цели представляются большинству населения достижимыми хотя бы в будущем.

Однако на практике, особенно при учете одновременной реализации этих целей, неравенство все-таки проявляется. Тех, кто уже добился и создания счастливой семьи, и наличия интересной работы, сегодня только 30%. Если расширить критерии субъективной успешности в производственной сфере, учитывая как альтернативы не только интересную работу, но и возможность заниматься любимым делом, то добившихся и счастливой семьи, и одной из этих целей в сфере работы оказывается уже 35%; если учесть как альтернативную цель еще и профессионализм — то 42%. Однако в любом случае уже смогли реализовать себя в семейной и производственной сфере менее половины россиян, хотя в целом они с оптимизмом оценивают свои перспективы в этом отношении. Представители этих групп при любом варианте их выделения чаще отмечают, что достигли в своей жизни баланса работы, семейной жизни и личных интересов, чем россияне в среднем: среди тех, кто смог создать счастливую семью и получить интересную работу, 60% говорят о балансе в своей жизни — в отличие от тех, кто пока реализовал лишь одну из этих двух целей (35%) или не реализовал ни одной (29%).

Показательно, что неравенство в возможностях достижения желаемого в сфере семьи и сфере работы также накладывается на доходное неравенство. Среди населения с низкими доходами создали счастливую семью и имеют интересную работу менее четверти ее представителей (24%), в то время как в высокодоходной группе эта доля приближается к половине. Аналогичные тенденции прослеживаются и при расширительной трактовке успешности в производственной сфере: тех, кто имеет счастливую семью и хотя бы одно из востребованных достижений в сфере работы — интересную работу, возможность заниматься любимым делом или быть профессионалом в своей деятельности, — около трети в низкодоходных слоях населения и более половины — в высокодоходных. Таким образом, низкодоходное

население характеризуется не просто низким уровнем доходов, но и суженными возможностями достижения желаемой модели жизни, даже с учетом того, что эта модель выглядят достаточно скромно.

Анализ баланса жизни и труда связан не только с семейной и рабочей сферами, о которых мы преимущественно говорили выше. Важными могут быть и возможности проведения свободного времени, и личные цели и интересы, по которым неравенство более выражено. В связи с этим рассмотрим подробнее, как россияне оценивают имеющиеся у них жизненные шансы в непроизводственной сфере жизни — наличие или отсутствие тех возможностей, на которые может предъявляться запрос в желаемых моделях жизни и которые относятся к проведению свободного времени и личным целям (табл. 4).

Таблица 4. **Жизненные шансы россиян в непроизводственной сфере жизни, 2018 г., %**
(упорядочено по доле тех, кому это удается)

Удается ли в жизни...	Нет такого желания	Не удается			Удается
		Из-за недостатка денег	Из-за недостатка времени	По другой причине	
Регулярно встречаться и общаться с друзьями или единомышленниками	5	4	27	7	57
Читать книги, журналы, газеты	13	4	19	9	55
Получать новые знания и навыки, не связанные с работой, в т. ч. в интернете	20	7	14	11	48
Получать новые знания и навыки, связанные с работой, в т. ч. в интернете	23	7	11	13	46
Проводить много времени с детьми	5	3	26	28	38
Получать удовольствие и новые яркие впечатления от жизни	4	36	16	11	33
Контролировать состояние своего здоровья (профилактические осмотры, анализы и т. п.)	9	25	19	14	33
Проводить отпуск вне дома и дачи, причем именно там и так, как больше всего хочется	6	54	8	12	20
Вести активную культурную жизнь (театры, музеи, выставки, кинотеатры и т. п.)	17	28	23	13	19
Иметь регулярный спортивный досуг вне дома (фитнес, секции, оздоровительные занятия)	22	25	23	12	18
Посещать развлекательные мероприятия (клубы, дискотеки и т. п.)	48	14	11	10	14
Использовать труд других людей для облегчения быта (уборка, услуги няни и т. п.)	60	22	3	10	5

Из перечисленных выше жизненных шансов, относящихся к непроизводственной сфере жизни, наиболее доступны для населения возможности ведения простого домашнего и социального досуга (чтение и встречи с друзьями) — это удается более чем половине населения. Менее половины, но не менее трети россиян отмечают, что им удается получать новые знания — как связанные, так и не связанные с работой, проводить достаточно времени с детьми, контролировать состояние своего здоровья и получать яркие жизненные впечатления. Среди жизненных шансов, которые можно охарактеризовать как скорее недоступные сегодня для массовых слоев россиян, определяющие их позитивную привилегированность на фоне общей «нормы», — активный досуг (спортивный, культурный или развлекательный) и отпуск вне дома, а также привлечение внешней помощи для решения бытовых задач. Неравенство в отношении жизненных шансов, относящихся к последней категории, несколько смягчается тем, что далеко не все население выражает желание иметь развлекательный досуг или привлекать труд других людей для облегчения своего быта, однако остальные возможности все же входят в число востребованных, создавая дополнительные измерения немонетарного неравенства.

Если оценить в совокупности все представленные аспекты, связанные с непроизводственной компонентой жизненного баланса, то для большинства населения жизненные шансы в них оказываются достаточно ограниченными — половине удается реализовывать не более трех из представленных 12 желаний, а трем четвертям — не более пяти. При этом среди тех, кому по собственной самооценке в целом удается достигать в своей жизни баланса работы, личных и семейных интересов, среднее значение составляет 5,3, а среди тех, кому это не удается — 2,8. И наоборот, чем больше непроизводственных активностей, которые получается реализовывать в собственной жизни, тем выше возможности достижения в жизни баланса семьи, работы и личных интересов. Так, среди тех, кому удается реализовывать не более двух видов активностей, доля имеющих жизненный баланс не превышает четверти, а для тех, кто отмечает наличие в своей жизни более половины из перечисленного, аналогичная доля составляет более двух третей, достигая в наиболее благополучных группах (имеющих девять и более видов непроизводственной активности) — более 80 %.

Показательно, что и в этом случае немонетарные неравенства не сглаживают монетарные, а, наоборот, усугубляют их. Больших успехов в реализации тех или иных возможностей в непроизводственной сфере жизни добиваются представители наиболее обеспеченных групп населения. Если в низкодоходной группе (тех, чьи ежемесячные среднедушевые доходы в домохозяйстве не достигают 0,75 страновых медиан) среднее значение количества стремлений, которые удается реализовывать, составляет 3,0 из 12, то в медианной группе (доходы от 0,75 до 1,25 медианы) оно возрастает до 3,5, для представителей среднедоходной группы (1,25—2 медианы) — до 4,3, а среди высокодоходных (доходы более 2 медиан) составляет 5,4. Таким образом, *неравенство в жизненных шансах в непроизводственной сфере накладывается на монетарное неравенство доходов. Это приводит к формированию многомерной зоны неблагополучия, представители которой характеризуются не просто нехваткой доходов, но и отсутствием жизненных возможностей в других сферах, в том числе в сфере самореализации в свободное время.*

Обратимся теперь к вопросу о том, как связаны между собой жизненные шансы в сфере баланса жизни и труда с жизненными шансами в сферах, относящихся к экономической стороне повседневной жизни. Для проведения такого анализа мы использовали интегральный показатель жизненных шансов россиян, основанный на концепции позитивной и негативной привилегированности, разработанный рабочей группой под руководством Н. Е. Тихоновой⁵. Интегральный индекс жизненных шансов сконструирован на основании показателей, отражающих объективное положение индивидов в четырех ключевых экономических сферах жизни — экономические условия, производственная сфера (ситуация на работе), возможности сохранения и наращивания человеческого капитала, особенности потребления и досуга. Ситуация в каждой из этих сфер оценивалась через шесть показателей, три из которых относились к позитивной, а три — к негативной привилегированности⁶. Итоговый индекс жизненных шансов, таким образом, включал 24 показателя. В соответствии с определенными на основании статистических проверок порогами показателей интегрального индекса респонденты были затем разделены на три класса — характеризующихся позитивной привилегированностью, срединную группу и характеризующихся негативной привилегированностью. Численность выделенных групп составила, по данным 2018 г., 26%, 49% и 25% соответственно (для населения без учета неработающих пенсионеров), то есть наиболее массовой оказалась срединная группа, демонстрирующая характерный набор жизненных шансов для современного российского общества, а зоны негативной и позитивной привилегированности были сопоставимы по численности между собой.

Анализ показывает, что позитивная привилегированность в экономических сферах сопряжена с высокими жизненными шансами и в отношении баланса жизни и труда, в то время как негативная привилегированность связана со значительно более низкими шансами его достижения (табл. 5). Так, удается достигать баланса 58% россиян из группы, характеризующейся позитивной привилегированностью (то есть для них состояние жизненного баланса является нормой), и только 23% из группы с доминированием негативной привилегированности. При этом если для первых ключевой причиной невозможности достичь искомого баланса является отсутствие времени (21%), то и для срединной группы, и для группы с негативной привилегированностью в качестве такой причины доминирует отсутствие денег (22% и 31%, соответственно). Это может свидетельствовать о разном понимании баланса жизни и труда в этих группах — для первых оно может означать стремление к совмещению различных целей, требующих времени, в то время как для вторых — решение базовых бытовых проблем, связанных с материальным положением.

⁵ Подробное описание методики конструирования индекса и результатов его применения можно найти в статьях [Anikin et al., 2017; Тихонова, 2018; Аникин, 2018].

⁶ Например, для шкалы, измеряющей жизненные шансы в экономических условиях жизни, позитивная привилегированность трактовалась как наличие расширенных возможностей текущего потребления и «запаса прочности» на базе инвестиций; ее показателями выступали наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья, обладание иной жилой недвижимостью помимо основного жилья при одновременном наличии автомобиля, наличие инвестиций и сбережений значимого объема. Негативная привилегированность в данной сфере означала наличие экономических обстоятельств, затрудняющих нормальную жизнь, и ее показателями выступали наличие множественных или крупных долговых обязательств, наличие значительных неэластичных текущих расходов (аренда, обеспечение инвалидов и пр.), а также нестабильность доходов.

Таблица 5. **Возможность достижения баланса жизни и труда в разных классах по жизненным шансам, 2018 г., %**

Удается ли обеспечить желаемый баланс работы, семейной жизни и личных интересов?	Классы по жизненным шансам		
	Позитивная привилегированность	Срединная группа	Негативная привилегированность
Нет такого желания	3	3	7
Нет, из-за недостатка денег	9	22	31
Нет, из-за недостатка времени	21	20	17
Нет, по другим причинам	9	14	22
Да, это удается	58	41	23

По непроизводственной сфере жизни схожая картина: жизненными шансами в большей степени обладают представители группы с позитивной привилегированностью, то есть те, кто имеет более широкое пространство жизненных шансов в экономической сфере. Получать удовольствие и новые яркие впечатления от жизни удастся более чем половине представителей класса с позитивной привилегированностью, трети срединной группы и только 14 % россиян с негативной привилегированностью. Качественные различия между выделенными классами по жизненным шансам наблюдаются также в отношении возможностей получения новых знаний, как связанных, так и не связанных с работой, и контроля за здоровьем. Что касается свободного времени, то различия между классами по жизненным шансам значимы в отношении активного досуга (внедомашний спортивный и культурный досуг, отпуск) и менее заметны в отношении пассивного домашнего досуга, хотя даже чтение более характерно для позитивно привилегированной части населения. Если же говорить о социальной составляющей досуга, то возможности общения с друзьями и единомышленниками также более доступны представителям группы с позитивной привилегированностью, и даже по возможностям проведения времени с детьми наблюдаются хоть и меньшие, но отличия (табл. 6).

Таблица 6. **Возможности россиян из разных классов по жизненным шансам в непроизводственной сфере жизни, 2018 г., % (упорядочено по данным класса с позитивной привилегированностью)**

Удается ли в жизни...	Классы по жизненным шансам		
	Позитивная привилегированность	Срединная группа	Негативная привилегированность
Получать новые знания и навыки, связанные с работой, в т. ч. в интернете	80	57	38
Читать книги, журналы, газеты	74	61	54
Получать новые знания и навыки, не связанные с работой, в т. ч. в интернете	74	58	45
Регулярно встречаться и общаться с друзьями или единомышленниками	69	59	52

Удается ли в жизни...	Классы по жизненным шансам		
	Позитивная привилегированность	Срединная группа	Негативная привилегированность
Получать удовольствие и новые яркие впечатления от жизни	57	34	14
Контролировать состояние своего здоровья (профилактические осмотры, анализы и т. п.)	55	37	16
Посещать развлекательные мероприятия (клубы, дискотеки и т. п.)	44	23	15
Проводить отпуск вне дома и дачи, причем именно там и так, как больше всего хочется	44	17	7
Проводить много времени с детьми	43	39	36
Иметь регулярный спортивный досуг вне дома (фитнес, секции, оздоровительные занятия)	42	21	8
Вести активную культурную жизнь (театры, музеи, выставки, кинотеатры и т. п.)	40	21	7
Использовать труд других людей для облегчения своего быта (уборка, услуги няни и т. п.)	24	11	4

Некоторые из этих различий связаны не только с разными возможностями, характеризующими повседневность представителей выделенных классов по жизненным шансам, но и с их запросами на желаемые жизненные модели. Особенно это касается получения новых знаний и навыков, как связанных, так и не связанных с работой: у более чем трети негативно привилегированной группы такие стремления вообще отсутствуют, в то время как среди позитивно привилегированных россиян об этом заявляют только 11%. Различия в желаемых моделях жизни — которые, в свою очередь, влияют и на понимание жизненного баланса, и на оценки возможности его достижения в собственной жизни — наблюдаются также в отношении досуга. Так, среди негативно привилегированных россиян заметно реже распространено стремление иметь активный спортивный или культурный досуг (27% и 26% заявляют об отсутствии такого желания при 18% и 9% в позитивно привилегированной группе) и даже просто читать (23% при 6% соответственно). Однако в отношении других непроизводственных аспектов жизни различия между классами по жизненным шансам по запросам на них не столь велики, в то время как возможности их реализации, как было показано выше, качественно отличаются.

Таким образом, *немонетарное неравенство в возможностях, характеризующих непроизводственную сферу жизни, также важную для достижения баланса жизни и работы, не сглаживает ни монетарное неравенство доходов, ни немонетарные неравенства жизненных шансов в экономических сферах жизни. Наоборот, более высокие доходы и позитивная привилегированность в экономической сфере сопряжены и с большими возможностями в отношении жизненного баланса, в том числе в его непроизводственной компоненте. Это еще раз подтверждает, что в российском обществе на основании многомерной позитивной или негативной привилегированности формируются зоны благополучия и неблагополучия, различающиеся не только экономическими, но и неэкономическими аспектами.*

Определение ключевых неравенств, задающих контуры этих зон, и неравенств, которые оказываются их следствием — это важный исследовательский вопрос для дальнейшего анализа социальной структуры российского общества.

Еще одной подтверждающей иллюстрацией этого вывода является оценка собственной жизни в целом — среди тех, кому удается поддерживать баланс работы, семейной жизни и личных интересов, 46% считают, что их жизнь в целом складывается хорошо. Эта доля заметно выше среднероссийского показателя и аналогичной доли в группе тех, кому не удается достигать жизненного баланса — там она составляет лишь 18%. Показательно и то, что россиянам, отметившим для себя наличие возможности достижения жизненного баланса, приходилось за последний год заметно реже сталкиваться с наиболее распространенными проблемами: проблемами, связанными с материальным положением (27% при 48% среди не достигающих жизненного баланса), со здоровьем (21% и 27% соответственно) или работой (17% и 28%). Интересно, однако, что проблему с отсутствием времени на все необходимое — напрямую, казалось бы, связанную с проблемой жизненного баланса, — представители обеих групп отмечали с равной частотой (17%).

Все это подводит к предположению, что субъективное восприятие жизненного баланса связано скорее с общими жизненными возможностями и уровнем благополучия (но не только в экономической сфере), чем с вопросом оптимального распределения ограниченного временного и личностного ресурса на альтернативные задачи, который в большей степени актуализирован для благополучных групп населения. Об этом также говорит распределение ответов о возможности достижения жизненного баланса среди неработающих пенсионеров, которых мы не включали в анализ. О том, что им удается достигать баланса, заявляют 42% из них, в то время как основной причиной его недоступности для остальных выступает отсутствие денег, а не времени. Еще одно косвенное подтверждение — среднее значение количества рабочих часов в неделю для тех, кому, по их самооценке, удается достигать жизненного баланса, оказывается даже выше, чем для тех, кому это не удается (45 и 43 часа, соответственно). Содержательное понимание жизненного баланса в разных группах — задача отдельного исследования, однако можно констатировать, что это понимание гетерогенно и связано в разных группах с разными запросами и разными ресурсами, необходимыми для его достижения.

Таким образом, в российском обществе наблюдается неравенство жизненных шансов россиян в сфере баланса жизни и работы — хотя эта задача в той или иной форме актуализирована для большинства россиян, возможности достижения баланса характеризуют положение лишь менее половины населения. При этом более высокие возможности достижения жизненного баланса в целом и реализации стремлений в непроизводственной сфере, в частности, характеризуют положение более благополучных с точки зрения уровня доходов и имеющихся жизненных шансов в экономической сфере групп. Это говорит о том, что в российском обществе остается доминирующей вертикальная стратификация, и те измерения немонетарного неравенства, которые связаны с жизненным балансом, образом и стилем жизни, накладываются на нее, а не переводят вертикальную стратификацию в горизонтальную. Иными словами, возможность достижения жизненного

баланса в российском обществе сегодня — признак общего благополучного положения в вертикальных иерархиях по другим экономическим и неэкономическим возможностям.

Список использованных источников

Аникин В. А. Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 39—67.

Anikin V. A. (2018) Social stratification based on life chances: operationalization for mass surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 39—67. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.03>.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. Beck U. (2000) *World Risk Society*. Moscow: Progress-Traditsya. (In Russ.)

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011.

Inglehart R, Welzel C. (2011) *Modernization, Cultural Change, and Democracy the Human Development Sequence*. (In Russ.)

Мареева С. В. Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 365—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.17>.

Mareeva S. V. (2018) Life chances of population in capitals and provinces in mass consciousness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 365—385. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.17>.

Мареева С. В. Профессиональные группы в условиях кризиса и их реакция на новые жизненные реалии // Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / отв. ред.: М. К. Горшков, В. В. Петухов. М. : Весь мир, 2015. С. 61—87.

Mareeva S. V. (2015) Professional groups in a crisis and their reaction to new life realities. In: *Russian society and the challenges of time*. 2. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Moscow: Ves Mir Publ. P. 61—87. (In Russ.)

Моспан А. Н., Осин Е. Н., Иванова Т. Ю., Рассказова Е. И., Бобров В. В. Баланс работы и личной жизни у сотрудников российского производственного предприятия // Организационная психология. 2016. Т. 6. № 2. С. 8—29.

Mospan A., Osin E., Ivanova T., Rasskazova E., Bobrov V. (2016) Work-life balance in Russian production enterprise employees. *Organizational Psychology*. Vol. 6. No. 2. P. 8—29. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Концепция баланса жизни и труда: уроки европейской социальной политики и российские перспективы // Журнал исследований социальной политики. 2011. № 4. С. 439—454. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3497/3079> (дата обращения: 07.06.2019).

Rozhdestvenskaya Ye. Yu. (2011) The life and work balance concept: lessons from the European social policy and Russian perspectives. *The Journal of Social Policy Studies*.

№. 4. P. 439—454. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3497/3079> (accessed: 07.06.2019). (In Russ.)

Савинская О. Б. Баланс работы и семьи: стратегии совмещения профессиональных и семейных обязанностей работающими матерями в Москве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 2 (67). С. 142—167.

Savinskaya O. (2013) Work-Family Balance: How Working Mothers in Moscow Reconcile their Work and Maternity. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. No. 2 (67). P. 142—167. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Влияние экономического кризиса 2014—2016 годов на занятость россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 1—17. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.01>.

Tikhonova N. E., Karavay A. V. (2017) The Impact of the 2014—2016 economic crisis on the employment of Russian. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 1—17. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.01>.

Тихонова Н. Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 53—65. <https://doi.org/10.7868/S0132162518060053>.

Tikhonova N. E. (2018) Stratification by Life Chances of Mass Strata in Modern Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 6. P. 53—65. (In Russ.) <https://doi.org/10.7868/S0132162518060053>.

Чернова Ж. В. Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 295—308. Chernova J. (2012) The Work-Family Balance: Policy and Individual Mothers' Strategies. *The Journal of Social Policy Studies*. No. 3. P. 295—308. (In Russ.)

Штроо В. А., Козьяк А. А. Личностный смысл баланса между работой и личной жизнью // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2015. № 3 (83). С. 253—267. Shtroo V. A., Kozyak A. A. (2015) Personality sense of the balance between the job and personal life. *The world of psychology. Scientific and Methodical Journal*. No. 3. P. 253—267.

Anikin V. A., Lezhnina Y. P., Mareeva S. V., Tikhonova N. E. (2017) Social Stratification by Life Chances: Evidence from Russia. NRU HSE. Series WP BRP “Sociology”. No. 80/SOC/2017

Bögenhold, D. (2001) Social Inequality and the Sociology of Life Style: Material and Cultural Aspects of Social Stratification. *American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 60. No. 4. P. 829—847. <https://doi.org/10.1111/1536-7150.00125>.

Clark S. C. (2000) Work/Family Border Theory: A New Theory of Work/Life Balance. *Human Relations*. No. 53(6). P. 747—770.

Greenhaus J. H., Collins K. M., Shaw J. D. (2003) The relation between work — family balance and quality of life. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 63. No. 3. P. 510—531.

Guest D. (2002) Perspectives on the study of work-life balance. *Social Science Information*. No. 41. P. 255—279.

Korotaev S., Shkaratan O., Gasiukova E. (2016) Some notes on the issue of social stratification in Russia: lifestyle aspect. *Filosifija Sociologija*. Vol. 27. No. 4. P. 277—291.

Michaelson J., Abdallah S., Steuer N., Thompson S., Marks N., Aked J., Cordon C., Potts R. (2009) National accounts of well-being: Bringing real wealth onto the balance sheet. London: New Economic Foundation.

Weber M. ([1924] 1978) *Economy and society*. Eds. G. Roth, C. Wittich. Berkeley: University of California Press.